

Неизвестно, когда вошло солнце.

Ци Цзыхэн лежал на кровати вытянувшись, повернул голову и прищурился, глядя в окно.

За окном было светло, но небо оставалось серым. Несколько тёмных туч нависли низко, и через стекло они напоминали огромную насмешливую пасть.

Да, светло или темно — какая разница для такого человека, как Ци Цзыхэн?

На улице время от времени проходили мужчины в деловых костюмах с портфелями, спешащие на работу или к клиентам; или женщины, разговаривая между собой, направлялись, возможно, на рынок или в супермаркет; иногда пробегали дети с рюкзаками. Бежать надо было быстро, иначе опоздали бы.

У каждого были свои дела.

Только у Ци Цзыхэна ничего не было.

Или, скорее, даже если он что-то хотел делать, он не мог. Он мог только лежать или сидеть.

Времени у Ци Цзыхэна было слишком много, чересчур много... словно бесконечное мучение.

Есть поговорка: никто не жалуется, что жизнь слишком длинна. Но в случае с Ци Цзыхэном это было исключением. Ему казалось, что жизнь длится вечность. Когда же закончится эта мучительная и безнадёжная жизнь?

В дверь раздался лёгкий стук.

Ци Цзыхэн знал, что это мама, и промычал в ответ.

Мама Ци Цзыхэна, Чжу Хуэйлинь, тихо подошла к его кровати. Она смотрела на молодое, но полное мрачной тоски лицо сына, сдерживая горькие слёзы, и мягко улыбнулась:

— Ну, Сяохэн, вставай, давай умоемся и почистим зубы, а потом я отвезу тебя позавтракать. Сегодня я сварила твой любимый суп с рыбой. Хорошо поедем — съездим в парк, прогуляемся, развеемся.

Помогая ему, Чжу Хуэйлинь случайно взглянула на его ноги и тут же отвела взгляд, не в силах вынести это зрелище.

На Ци Цзыхэне были прямые спортивные штаны, но под ними, начиная от самых бёдер, ничего не было.

Ци Цзыхэн страдал высокой параплегией.

Так продолжалось уже десять лет.

С шестнадцати до нынешних двадцати шести.

В лучшие годы судьба нанесла ему жестокий удар, словно стебель цветка, только что готового распуститься, с хрустом сломали надвое.

Прошлое невыносимо вспоминать.

Если бы в мире существовало лекарство от сожалений, если бы жизнь, как компьютер, могла вернуть заводские настройки, Чжу Хуэйлинь отдала бы всё, даже собственную жизнь, лишь бы вернуть здоровье сына.

Есть ли в мире лекарство от сожалений?

Нет.

Можно ли перезагрузить жизнь?

Нет.

Поэтому мучительная жизнь должна была продолжаться.

Мучительная и долгая, длинная, как склон, у которого не виден конец.

Длинная до изнеможения и отчаяния.

Ци Цзыхэн тихо спросил:

— А они? Дома никого нет?

Под «они» он подразумевал странное существо — мачеху и её двух сыновей.

Семья Ци Цзыхэна была странной, потому что в современном обществе, где принят моногамный брак, его отец жил с двумя женщинами одновременно, и у каждой были сыновья. История этого была долгой и запутанной, а также касалась того, как Ци Цзыхэн стал инвалидом.

Если бы Ци Цзыхэн родился инвалидом, он не испытывал бы такой ненависти, обиды и сожаления. Ведь природа иногда ошибается, и если человек никогда не знал, каково это — свободно бегать, ему не было бы так больно. Но всё было иначе. До шестнадцати лет Ци Цзыхэн был здоровым, жизнерадостным парнем, вольным распоряжаться своей молодостью.

Если бы... не его бесстыдный отец, если бы... не та бесстыдная женщина, которую он держал на стороне, и её ещё более бесстыдный сын, если бы... не его слабая и безвольная мать, которая при любой беде только плакала и прыгала в реку...

Жизнь Ци Цзыхэна никогда бы не стала такой!

Он никогда бы не оказался в таком жалком положении, забившись в этот мрачный дом, влача жалкое существование и завися от подачек тех самых людей, которые его погубили...

Мысли Ци Цзыхэна перенеслись на десять лет назад.

Шестнадцать лет — время роскошной одежды и резвых лошадей, время безудержной юности.

С детства Ци Цзыхэн был гордостью матери.

Красивый, послушный, отличник — он никогда не доставлял родителям беспокойства. По обычному сценарию он должен был поступить в хороший университет, поехать учиться за границу, и перед ним открылись бы большие перспективы.

Но именно в этот момент в семье разразился скандал.

Отец Ци Цзыхэна, Ци Линъюнь, пользуясь тем, что Чжу Хуэйлинь была занята ведением хозяйства и воспитанием детей, не только завёл интрижку на стороне, но даже завёл внебрачного сына, назвав его Ци Цзыи, который был всего на год младше Ци Цзыхэна. Это было «новым веянием» новой эпохи: и дома, и на стороне всё шло гладко. Однако Чжу Хуэйлинь и Ци Цзыхэн ничего не подозревали.

Но, как говорится, шило в мешке не утаишь. Видя, как её сын вырастет и становится красавцем, женщина сочла, что имеет заслуги перед Ци Линъюнем, и перестала быть довольной ролью любовницы, постоянно требуя, чтобы он развёлся и привёз её в дом легально, дав сыну Ци Цзыи официальный статус.

Ци Линъюнь был не дурак и всегда отделялся неопределёнными обещаниями. Позже эта женщина нашла какую-то поддержку, получила компромат на Ци Линъюня и нагло потребовала, чтобы он открыто признался Чжу Хуэйлинь, развёлся и с почестями ввёл её и Ци Цзыи в дом.

Взвесив всё, Ци Линъюнь решил отказаться от законной жены. Чжу Хуэйлинь, узнав эту ужасную новость, не могла её принять. К тому же, ни одна женщина не желает быть брошенной. Началась семейная война. Бесконечные ссоры не давали Ци Цзыхэну, учившемуся тогда во втором классе старшей школы, возможности сосредоточиться на учёбе и экзаменах.

Чжу Хуэйлинь часто плакала перед сыном от горя. Ци Цзыхэн, естественно, был на стороне матери, яростно ненавидел отца за то, что тот бросил жену и сына, перестал разговаривать с Ци Линъюнем и объявил, что стоит в одном окопе с мамой против врага.

Развод — дело непростое, особенно в Китае, но сердце мужчины было твёрже камня. Ци Линъюнь хотел развестись как можно скорее и, не договорившись миром, подал в суд. Чжу Хуэйлинь была убита горем, но всё ещё надеялась всё исправить. Она вместе с Ци Цзыхэном пошла к нему, чтобы поговорить, пытаясь взывать к его чувствам и рассудку, надеясь, что он одумается.

Чжу Хуэйлинь с Ци Цзыхэном нашли место, где жили Ци Линъюнь с той женщиной. Но Чжу Хуэйлинь, всегда скромная и благородная, не могла тягаться с язвительным языком любовницы, к тому же Ци Линъюнь помогал той, и их наглость зашкаливала. Чжу Хуэйлинь даже потеряла счёт: кто же тут на самом деле третья лишняя?

Перепалка переросла в драку. В порыве ярости женщины начали кидаться друг в друга, и что самое возмутительное — Ци Линъюнь помогал любовнице бить собственную жену. Это было так гнусно, что Ци Цзыхэн, переполнившись гневом, тоже вступил в бой.

Тогда Ци Цзыхэн был всего лишь шестнадцатилетним щуплым юношей, как он мог противостоять мужчине в расцвете сил? Видя, как бьют сына, Чжу Хуэйлинь чувствовала и боль, и ярость. Она вцепилась зубами в руку мужа, а он ударил её так сильно, что половина её лица распухла.

Раньше они часто ссорились, но чтобы муж ударил её — это было впервые. Чжу Хуэйлинь от ярости потеряла рассудок и закричала:

— Ци Линъюнь! Ты не человек! У тебя нет совести! Ты так поступаешь с нами, ты не сойдёшь с рук! Я... я сейчас умру, а после смерти стану злым духом, вырву твоё сердце и посмотрю, есть ли оно там вообще, или собаки его съели!

Как раз рядом с их домом протекала река, пересекающая весь город. Чжу Хуэйлинь выбежала

на улицу и, не помня себя, вскарабкалась на перила и с шумом прыгнула в воду. Ци Цзыхэн, выбежавший следом, увидев, как мать, доведённая отцом и той женщиной до самоубийства, падает в реку, глаза его налились кровью от ярости. Он с силой ударил выбежавшего следом Ци Линьюня и тоже прыгнул в реку, чтобы спасти маму.

<http://bllate.org/book/16687/1531293>